

ЗАПРОС НЕ НА СТРАХ — НА СТАНДАРТЫ

Элла Панеях



Элла ПАНЕЯХ — социолог, директор Института проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор книги «Правила игры для русских предпринимателей: развитие рыночных институтов в условиях противоречивости законодательства» (2008)

Страх определяли российской общественной жизнь в конце 1990-х — начале 2000-х. Опираясь на страхи, что станет еще хуже и вот-вот все рухнет, пришел к власти Путин. На данный момент общество немножко отъелось за годы подъема, пережило кризис, который в целом оказался не так страшен, как все ожидали, — а ждали именно апокалипсиса, как в 1990-е годы.

Я бы вообще не сказала, что общественные настроения сейчас мотивируются страхом. Они, скорее, мотивированы тем, что гуманитарный стандарт и стандарт жизни растут гораздо быстрее, чем, во-первых, реальное улучшение ситу-

ации, рост доходов, а во-вторых, общество взрослеет неизмеримо быстрее, чем государство. И поэтому вдруг стало понятно, что, как показала речь Леонида Парфенова, например, цензура нас больше не устраивает. Общество улучшалось, а государство портилось все это время. Ведь что такое самый популярный журналист? Это человек, который хорошо соответствует ожиданиям массовой аудитории. Парфенов, который несколько лет назад не видел необходимости немедленно выступить против цензуры на телевидении, ее почувствовал. **Это те самые выросшие стандарты, по которым совсем недавно терпеть цензуру было прилично, а сейчас уже, скорее, неприлично. Это сформировавшийся слой людей, которые чувствуют себя вправе жить по стандартам цивилизованного мира и хотят, чтобы с ними обращались в соответствии с этими стандартами.** Настал момент, когда количество перешло в качество. И люди, которых совершенно не заботили такие вещи, как политика, демократия, оказались заинтересованы в том, что относится к сфере прав, свобод, независимости и достоинства. Мне кажется, что сейчас примерно так выглядит главное общественное настроение. Начальство ездит с мигалками, как и ездило, но общество уже не считает такое поведение приличным.

Этот процесс взросления и обеспечил снижение роли страхов в современной общественной жизни. **Вызвать волну страха сейчас может разве что нечто совсем страшное. Вот когда в станции Кушевская двенадцать человек зверски убиты, включая**

детей, то понятно, что у каждого мурашки бегут по спине. Такие изуверские истории могут вызывать всплеск страха перед улицей, перед бандитом, который придет и от которого защищать тебя должно доброе и сильное государство.

Но, несмотря на этот объективный процесс снижения значения страхов, они играют определенную роль в современном российском обществе, но в значительно меньшей степени, чем десять лет назад.

Воспоминания о нестабильном прошлом страны продуцируют страхи. Например, опросы общественного мнения фиксируют, что перестройка ассоциируется с тем, как все рухнуло. Если произнести это слово, люди сразу представят себе сначала пустые прилавки, потом переходный кризис начала 1990-х годов и все, что с ним связано: безработицу, инфляцию с трехзначными цифрами. А активная часть общества в возможности либерализации увидела пространство возможностей.

И я не согласна с президентом, который в своем видеообращении охарактеризовал нынешнюю ситуацию как застой. У нас в течение десяти лет происходила стремительная и лавинообразно нарастающая деградация всех институтов общественной самоорганизации, включая государство. У кого был застой? У того, у кого, что называется, широкий горизонт, кто хочет делать что-то большое и своей значимостью выходящее за пределы собственной жизни, в бизнесе, в общественных делах, в благотворительности. Застой был у амбициозных людей. Именно к ним, я думаю, обращено это: у

нас был застой, а будет «незастой», будет пространство возможностей, социальные лифты и хоть отчасти развязанные руки.

Общество в целом, массовое общество, совершенно никакого застоя не ощущало. Оно ощущало две вещи. Экономический рост, который радикально за эти годы изменил образ жизни. И пусть сейчас экономический кризис заставил поужаться, образ жизни и представление об образе жизни, которого достоин человек, уже никуда не денется. Все хотят дать детям высшее образование. Люди, которые, вообще говоря, в норме передали бы своим детям профессию квалифицированного плотника, нацелены на обязательно высшее образование. Одновре-

Российский страх, нетипичный для других цивилизованных обществ, — это, конечно, страх перед милицией и перед государством вообще

менно с тем, как массовое общество ощущало на себе расширение пространства возможностей и экономический рост, в последние годы оно одновременно ощущало на себе тот же самый политический процесс, который существенно раньше ощутило образованное общество, — деградацию государства и его наступление на частное пространство живущих в стране людей.

Во всех странах существует страх перед возможным экономическим крахом, страх перед страшной-страшной преступностью. **Вообще, рост страха перед преступностью — это показатель хорошей ситуации, потому что он проявляется, когда больше нечего бояться.** Точно так же в благополучном обществе больше всего людей умирает от сердечных болезней: никто не попадает под машину, никто не умирает в пятьдесят лет. Когда у людей нет актуаль-

ных страхов, они на первое место ставят преступность. Так же, как предприниматели, если все более или менее нормально в экономике, ставят на первое место проблему налогов. Также существует страх перед «понаехали», перед людьми с другой культурой, которые представляются угрожающими (не очень понятно, чего от них ждать). Но эти страхи были всегда и везде. **Российский страх, нетипичный для других цивилизованных обществ, — это, конечно, страх перед милицией и перед государством вообще.**

Люди боятся разного и ведут себя по-разному из-за этого. Я наблюдала в Америке страх перед терроризмом. Он выражается в одной простой вещи — что всех досматривают в аэро-

портах, с каждым годом все жестче. При этом терактов нет, они успешно предотвращаются уже на протяжении десятилетия. Да, периодически кого-то ловят, люди готовы вкладывать огромные деньги в то, чтобы исключить малейшую возможность теракта. При этом никому обрушение дома в центре Нью-Йорка не снится по ночам, кроме, понятное дело, тех, кого это травмировало лично. Страх терроризма абсолютно отсутствует в списке актуальных страхов. Это меры, которые принимаются на уровне страны.

Российский страх перед тем же терроризмом заключается в том, что каждая фирма ставит на входе кучу мужиков в бронежилетах, в каждый бизнес-центр вы входите, как в осажденную крепость. Здесь этот страх более актуальный. Как их можно сравнивать? **Думаю, что американцы на свой страх**

перед терроризмом тратят в среднем гораздо больше денег, чем россияне. Но нельзя же сравнивать по количеству потраченных денег. Это разные страхи.

Не думаю, что страхи сами по себе оказывают какое-то влияние на демократическую природу общества, на отношение частных людей к правам и свободам. Но вот если правительство ухитрилось нагнать на население страху, то да, тогда это влияет на права и свободы. Когда в Америке был принят «Акт о национальной безопасности» сразу после падения башен-близнецов, правительство грамотно воспользовалось всплеском страха и забрало себе приличный кусок полномочий, который иначе не видало бы как собственных ушей.

Это классический способ осуществления власти — создать угрозу, а потом предложить от нее защиту. Эта стратегия типична для современной российской власти. Я думаю, что в данный момент она очень неэффективна. Напугали на миллион, выиграли на копейку. Применимость идей Макиавелли о страхе как эффективном инструменте политической власти зависит от исторического периода, от того, какая это власть. Макиавелли писал о правителе, по нашим представлениям, маленького городка (по населению, по размеру), райцентра от силы, где все знают друг друга лично, где можно пугать не группы людей, а конкретных личностей поштучно, где существуют семейные кланы и достаточно задеть одного, чтобы сказалося на всех остальных. В атомизированном современном обществе для того, чтобы управлять при помощи страха, нужно развязать террор, ни больше ни меньше. Это возможно. Но тяжело, дорого и очень неэффективно. ■

Специально для РЖ